

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ РИТОРИКЕ В РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (XVIII — первая половина XIX в.)

VLADIMIR I. ANNUSHKIN, ZHAO YUETING
CLASSICAL TEACHING OF RHETORIC IN RUSSIAN PHILOLOGICAL TRADITION
(18th — First Half of the 19th Century)

Владимир Иванович Аннушкин

доктор филологических наук,
профессор

► vladannushkin@mail.ru

Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина,
Российская Федерация, 117485,
Москва, ул. Академика Волгина, 6

Vladimir I. Annushkin

Doctor of Philology, Professor

Pushkin State Russian Language Institute,
6, ul. Akademika Volgina, Moscow,
117485, Russian Federation

Чжао Юэтин

аспирант

► zhaoyueting@yandex.ru

Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина,
Российская Федерация, 117485,
Москва, ул. Академика Волгина, 6

Zhao Yueting

Postgraduate Student

Pushkin State Russian Language Institute,
6, ul. Akademika Volgina, Moscow,
117485, Russian Federation

В статье представлен историко-критический обзор классического обучения риторике как науке и искусству речи в русской филологической традиции XVIII — первой половины XIX в. Описание данного опыта риторике — «науки изобретать, располагать и выражать мысли» — может многое дать современному ученому и педагогу, поскольку сегодняшняя учебная практика во многом пользуется старинными классическими методами и приемами в организации словесно-речевого образования. Авторами представлены сведения о риторике в Древней Руси, когда отсутствовали учебники риторике, но велась активная ораторская деятельность; первые учебники риторике XVII в. и петровского времени с их практическими советами и рекомендациями к построению речи; описаны «средствия к приобретению красноречия» М. В. Ломоносова, базировавшиеся, как выясняется, на предшественниках — петровских риториках. В наших первых высших учебных заведениях, например в Московском университете, преподавалась прежде всего «элоквенция», а в начале XIX в. воцарилась «словесность». Пик расцвета русской риторике приходится на первые годы Царскосельского лицея, где преподавал Н. Ф. Кошанский. Современный мир русского слова невозможно представить без данной историко-культурной традиции, в изучении которой предстоит сделать еще очень многое, но без опоры на которую невозможно осуществить творческое начало в русской речи. Материалы, касающиеся обучения риторике, могут дать современному преподавателю и студенту множество полезных советов и рекомендаций, касающихся как правил ведения речи, так и воспитания оратора. Так, старообрядческие риторике дают конкретные советы по образованию личности и правилам произношения; М. В. Ломоносов предлагает классические «средствия», оригинально интерпретируя их для российской аудитории, а вершиной риторического обучения должны быть уроки Н. Ф. Кошанского в Царскосельском лицее, рекомендовавшего чтение, размышление и практические упражнения.

Ключевые слова: риторика, красноречие, обучение, наука, искусство, Ломоносов, Кошанский.

The article presents a historical and critical review of the classical teaching of rhetoric as the science and art of speech in the Russian philological tradition of the 18th — first half of the 19th centuries. A description of this experience of rhetoric as “the science of inventing, arranging and expressing thoughts” can give a lot to a modern scholar and teacher, since today’s educational practice largely uses ancient classical methods and techniques in organizing verbal and speech education. The authors present information about rhetoric in Ancient Rus’, when there were no rhetoric textbooks, but active oratorical activity was carried out; the first rhetoric textbooks of the 17th century and the time of Peter the Great with their practical advice and

recommendations for constructing a speech; describes “means for acquiring eloquence” by Mikhail V. Lomonosov, which, as it turns out, were based on their predecessors, rhetoric manuals of Peter’s times; in our first higher educational institutions, for example, Moscow University, “eloquence” was taught primarily, and at the beginning of the 19th century, “literature” reigned and the peak of Russian rhetoric flourished in the first years of the Tsarskoye Selo Lyceum, where Nikolai F. Koshansky was teaching. The modern world of the Russian Word cannot be imagined without this historical and cultural tradition, in the study of which much remains to be done, but without the support of which it is impossible to realize creativity in modern Russian speech. Materials related to teaching rhetoric can provide a lot of useful advice and recommendations to the modern teacher and student regarding both the rules of speaking and the education of a speaker. Thus, Old Believer rhetoricians give specific advice on personality formation and pronunciation rules; Lomonosov offers classical “means of acquiring eloquence,” interpreting them in an original way for the Russian audience, and the pinnacle of rhetorical education should be the lessons of N. F. Koshansky at the Tsarskoye Selo Lyceum, who recommended reading, reflection and practical exercises.

Keywords: rhetoric, eloquence, teaching, science, art, Mikhail V. Lomonosov, Nikolai F. Koshansky.

Введение

Обучение риторике как искусству эффективной и целесообразной (хорошей, убедительной, украшенной — в классической традиции) речи имеет многовековой опыт, который необходимо объективно изучить и творчески применить в современных условиях развитого информационного общества. Это в немалой степени относится к современному филологическому образованию, когда последовательное изучение конкретных исторических примеров обучения риторике могло бы не только верно сориентировать современных ученых и педагогов, но и предложить классические образцы, которым могли бы (не повторяя их буквально!) следовать и современные риторы как носители «великого русского слова». Исследование этого опыта или традиций преподавания риторики как науки и искусства речи далеко не обобщено, хотя попытки описания истории русской риторики как теоретического знания предпринимались многими учеными. Однако обратим внимание на то, что внимание уделялось в основном вопросам предмета риторики как науки, а не вопросам педагогической практики. В настоящей статье будет поставлен вопрос именно обучения риторике

как искусству речи и показан опыт практического преподавания в вузе. Конечно, исследование предпринимается с тем, чтобы применить этот классический опыт к современному преподаванию риторики как в России, так и за рубежом, в частности в Китае. Самые общие идеи могут быть применены и в вузе, и в школе, но также поставлена конкретная задача применить данный опыт в обучении риторике китайских студентов-филологов, обучающихся сегодня в российских вузах.

Цель

Таким образом, цель данной статьи — представить историко-критический обзор опыта классического преподавания риторики в российской речевой педагогике XVIII — первой половины XIX в. с намерением использовать этот опыт в современном преподавании речеведческих дисциплин.

Состояние изучения вопроса

Попытки изучения истории преподавания риторики в российских университетах, духовных училищах, гимназиях и различных школах предпринимались и ранее, но они были ограничены выборочным описанием отдельных сочинений (см. работы В. П. Вомперского [Вомперский 1988], А. С. Елеонской [Елеонская 1990], В. И. Аннушкина [Аннушкин 2003] и др.). Изучая историю русской риторики, мы пока не имеем полных опубликованных текстов большинства сочинений, за исключением, конечно, «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова [Ломоносов 1952]. Современный пользователь может исследовать только первую русскую «Риторику» 1620 г. [Аннушкин 1999] и «Риторику» Н. Ф. Кошанского [Кошанский 2013], большинство же сочинений, которых авторы коснутся в статье, известны заинтересованному читателю только в отрывках. Но самое главное, на чем будет сконцентрировано внимание: исследователи, в сущности, мало занимались реконструированием вопросов преподавания и обучения, что, возможно, представляет собой основной интерес для современного педагога-речевида.

Методы

Методика исследования построена на методах историко-критического, аналитического описания и добывания сведений относительно опыта риторической педагогики, под которой здесь понимается искусство обучения хорошей и подлинно украшенной, эффективной и целесообразной, совершенной речи. Иначе говоря, используются метод выборки, выписки и семантико-содержательного анализа; описательный и сопоставительный методы при анализе различных способов преподавания риторики в разные периоды истории этой науки. Методы исследования включают изучение и анализ классических произведений и трактатов по риторике разных эпох, а также исследования и мнения современных ученых и критиков.

Обсуждение

Практика ораторского красноречия в Древней Руси

Слова «риторика» и «ритор» были, безусловно, известны в Древней Руси, причем в различных вариантах. Например, «риторика» писалась в соответствии с греческими источниками «риторикиа» или «ритория», а «ритор» мог писаться как «ретор». Конечно, никаких специальных риторических школ наподобие существовавших в Древней Греции или Рима на Руси не было, но уважение к украшенному яркому слову, несомненно, присутствовало, что проявилось в практическом ораторском красноречии. Впрочем, слово «красноречие» известно на Руси только с XVII в., а до этого было «красословие» или «красоязычие». Предпочтение отдавалось другим смыслам, то есть существовало множество слов с корнями «благ-» и «добр-»: добрословие, доброязычие, благоречие, благоглаголение. Несомненным синонимом для «риторики» было славянское слово «ветийство» (писалось через «ять»), а сами слова «ритор» и «ветий» служили для обозначения мудрых философов и писателей.

В Древней Руси существовала практика ораторского красноречия, оставившая потомкам блестящие образцы публичного слова, зафиксиро-

ванные уже в рукописях: это по преимуществу образцы торжественного или учительного красноречия (Кирилл Туровский, Серапион Владимирский и др.). Как же формировались личности этих выдающихся древнерусских ораторов-словесников? Конечно, они имели глубокую книжную образованность, знали Священное Писание, сочинения Отцов Церкви, а потому в «Слове на новую неделю по пасхе» Кирилл Туровский приводит множество примеров из евангельских текстов и сочинений святых отцов.

Итак, до XVII в. в Древней Руси не существовало учебников по риторике, поэтому книжники Древней Руси получали образование на основе религиозных текстов христианской культуры, изучая образцы литературной и ораторской практики [Аннушкин 2006: 49]. Тем не менее в то время уже существовали представления о добрословии и благоречии (в противоположность злоречию), которые были основополагающими принципами и нормами речевого поведения. Нравственные качества отображались в образе благой речи. Ораторы совершенствовались в речи, имея ясную веру, знание и потребность высказаться.

Первая русская «Риторика» написана в 1620 г., самый ранний известный список ее относится к марту 1620 г. Это был перевод краткой латинской «Риторики» Луки Лоссия, ученика великого учителя Германии Филиппа Меланхтона, который осуществлял некий русский учитель (дидаскал), устно переводивший латинский текст и, возможно, правивший его в феврале 1622 г. в окружении своих учеников-писцов (см. об этом: [Аннушкин 2006]). Риторике давалось следующее определение: «Риторика есть яже научает пути праваго и жития полезнаго добрословия» (перевод выражения: *Rhetorica est ars, quae docet viam ac rationem recte et jrnate dicendi*) [Аннушкин 2006: 21, 152]. Дальнейшую латинскую фразу «*quae facultas eloquentia vocatur*» учитель перевел так: «сию же науку сладкогласием или краснословием нарицает», а затем добавил от себя: «понеже красовито и удобно глаголати и писати научает» [Аннушкин 2006: 21, 152]. Как «научает», в сущности, не разъяснено, описывается лишь «что есть риторика и что содержит учение ея».

Петровские риторика как основа речеведческих наук в России

Все влиятельные учебники риторики пишутся в моменты исторических сломов, формирования нового стиля и образа культурной и социально-экономической жизни. Преобразования требуют языковых реформ и написания новых трудов. Это время приходит с началом «дней Петра». В конце 90-х годов (не сразу!) пишутся по крайней мере две «Риторика»: первая — перевод с греческого книги Софрония Лихуда «О риторической силе» 1698 г., вторая — приписывается Михаилу Усачеву и датируется 1699 г. Затем пишется емкая, с четкими определениями латинская «Риторическая рука» Стефана Яворского, переведенная Федором Поликарповым в 1705 г., а необыкновенно красочная «Книга всекраснаго златословия» грека Козмы Афоноверского (кстати, переводчика «Риторика» Софрония Лихуда) с многочисленными примерами из российской истории — в 1710 г. Все перечисленные учебники расходились по Руси (теперь Российской империи) во множестве списков и совершенно очевидно, что именно они легли в основу терминологии «словесных наук», то есть нашего филологического образования.

«Риторика» Софрония Лихуда — книга не только необыкновенного стилистического изящества, но и философской глубины, выстраивавшая новую терминологию русской науки о речи. Вот что писал ее автор о значении риторики, уподобляя риторику Богу и душе (позволяем себе некоторое упрощение текста в переложении его современными словами): «О достоинстве риторики. Уподобление Бога, души и риторики. Риторика есть семя небесное и луча, из источника вечного света источена. <...> Сходство, которое с Богом человек имеет, то же самое и риторика — царица земная. Душа есть образ Божий, Бог есть душа, риторика есть Божественна: то, что Бог в мире и душа в теле, то и риторика в жизни гражданской» (цит. по: [Аннушкин 1998: 65]).

Очевидно, что в Типографской школе, предшественнице Славяно-греко-латинской академии, братья Лихуды учили и грамматике, и логике, и риторике («тривиум мудростей»), а «поздравлятель-

ные речи» произносились еще во времена Алексея Михайловича Симеоном Полоцким. Образцы похвальных речей, писавшиеся, конечно, с дидактической целью, представлены в последней 4-й книге Софрония Лихуда «О похвале», где даны реальные советы и примеры того, как должно строить речь в похвалу какому-либо искусству или ремеслу, как описывать город, о чем должно говорить, когда произносится похвала царю, царице, младенцу, юноше, зрелому мужу, старику и т. д. Их образовательно-воспитательный пафос очевиден.

По-прежнему неопубликованной является «Риторика» Михаила Усачева 1699 г., с которой был знаком М. В. Ломоносов, и как выясняется, именно из этого труда великий ученый позаимствовал определения «риторики» и «красноречия» и переописал в синонимических выражениях «средствия к приобретению красноречия» (см. далее). Именно у Михаила Усачева ясно показано, чем риторика отличается от грамматики и чему в ней должно учиться: если грамматика учит «только добре глаголати», то есть правильно говорить, то риторика учит «добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати» [Аннушкин 1999: 75] (ср. у М. В. Ломоносова: «...о всякой предложенной материи красно говорить...» [Ломоносов 1952]).

Обучение риторике в Выговской школе старообрядцев

Особое внимание в исследовании того, как же учились говорить и писать еще в доломоносовской Руси, надо уделить Выговской школе старообрядцев Семёна и Андрея Денисовых. Замечательный образец учения дан в описании учителей-старообрядцев Выговской школы, организованной на севере Руси в 90-е годы XVII в. Именно в этот период бежавшие на север старообрядцы основали на озере Выг свою общину, где стали обучать словесным наукам, особенно риторике, собрав все известные на Руси риторические сочинения. Основателей общины Андрея и Семёна Денисовых называли «златоустами», а память учеников не только сохранила их «сладкословесный образ», но и зафиксировала способы обучения «словесной мудрости» [Аннушкин 2006: 52–53].

Целью Выговской школы старообрядцев было обучение молодого поколения старообрядческой общины православной вере, а для этого необходимо было предоставить качественное словесное образование. Особую роль в учебном процессе занимала риторика — искусство убедительно и красноречиво выражения мыслей и идей. Ученики изучали различные аспекты риторики, включая правила ораторского искусства, аргументацию, логику, технику публичных выступлений и многое другое.

Образцы этого обучения риторике можно прокомментировать с позиций современной методики, которая, продолжая культурную традицию, несомненно, многое заимствует из этого опыта учения.

О Семёне Денисове сказано, что он не только имел «одаренную от превысочайшего Создателя естественную память», но еще и «изрядно видим был в художественных, спомошествоющих памяти правилах», то есть, обладая природной памятью, пользовался определенными правилами и приемами.

Прежде всего, учился постоянно и упрямо: «с младых лет всегда непременно пребывал он в частом обучении Божественного Писания и внешнего любомудрия» (а внешними науками назывались светские науки — грамматика, риторика, диалектика, арифметика, астрономия и др.). У человека XVIII в. была прочная философская основа для риторства (Священное Писание), а обучение рекомендовалось постоянное и без перерывов — «непеременное» (ср. требование «непрерывного образования» в современных концепциях, хотя современный человек массовой культуры нередко живет в постоянно меняющихся ценностях).

«Прочитывал писание с прилежным вниманием не только телесными, но и душевными очами» — это способ чтения, которое было не «скорочтением», к которому нередко вынуждены прибегать мы, чтобы освоить большие объемы информации, а внимательное и осмысленное прочтение.

Память тренировалась «вытверживанием к сказанию изустно на память грамматических и прочих наук правил» — произнесение вслух заучиваемого текста способствует его запоминанию.

И это была не зубрежка, а прием сознательного запоминания через «внутреннее видение» произносимого текста.

Можно говорить и о своеобразной методике в освоении изучаемых текстов, в «твержении» которых ритор «поступал умеренно: не на все купно скоре захватить простирался, но по частям и периодам», — актуальное замечание, касающееся постепенности обучения.

Многое зависело и от того, с кем общается человек. Желаящему учиться словесным наукам рекомендовалось «частые о всем оном всегда с учеными людьми разговоры иметь».

Характерно употребление мнемонических приемов для запоминания текстов: «употреблял в письмах некие для памяти значки, числа и азбучные письмена (буквы)».

Практические советы Семёна Денисова в «произношении гласа и движении тела» актуальны и поныне:

- 1) о чистоте произношения: «дабы последние слоги в речениях чисто произносились»;
- 2) о темпе речи: «чтобы говорити не вельми косо и не вельми бодро, но посредственно»;
- 3) о громкости речи: «не зело бы кричливо, напротив же и не вельма б тихо, и не по подобию секиры, секущей лес...» (см. более подробно: [Аннушкин 2006: 52]).

**«Средствия приобретения красноречия»
М. В. Ломоносова — классическая модель
обучения риторике**

В «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. Ломоносов ясно описал способы обучения красноречию — искусству украшенно и убедительно говорить и писать. Кстати, различение терминов «риторика» и «красноречие» абсолютно ясно приведено именно у М. В. Ломоносова: «Риторика есть наука...» (см. рукописный вариант «Краткого руководства к риторике» 1743 г.) и «Красноречие есть искусство...» (опубликованный вариант 1748 г.).

Его способы обучения риторике соотносятся с предшествующей риторической традицией,

демонстрируя, как «благородная упряжка» и желание овладеть знаниями позволяют создавать на культурной основе новое продуктивное знание. М. В. Ломоносов использует не только риторическое учение своего наставника Порфирия Крайского, но и те рукописные книги, по которым учился ранее.

М. В. Ломоносов назвал пять «средств приобретения красноречия: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук» [Ломоносов 1952: 92]. Как эти советы могут проявиться в современном осмыслении способов обучения риторике как науке и красноречию как искусству хорошей речи?

1. Под «природным дарованием» понимаются «душевные и телесные» способности, которыми наделила природа всякого из людей. Среди «душевных дарований» Ломоносов называет «остроумие и память», необходимые как «добрая земля к посеянию чистого семени». Понятие «остроумие» связывается с исходным значением «острого ума», который является основой для проявления риторических способностей, состоящих в умении быстро и живо находить способы аргументации. Память же необходима для ориентировки в знании, которое ритор может применить в заданных обстоятельствах. Очевидно, что оба качества требуют развития в современном риторе, а способность к живой изобретательности (живости ума и чувства), нахождению нужных аргументов и содержания речи — основное требование к ритору.

«Телесными дарованиями» М. В. Ломоносов называет «громкий и приятный голос, долгий дух и крепкую грудь», «дородство и осанковатый вид» [Ломоносов 1952: 92]. К каждому из этих понятий современная риторическая педагогика должна дать ряд пояснений: пластическое развитие личности (умение двигаться, владеть телом, оптимально жестикулировать) непосредственно связано с умением говорить. Человек, раскрепощенный пластически, как правило, имеет и более свободную речь. Поэтому техническое обучение оратора начинается с обучения внешнепластическим приемам: как стоять, держать корпус, голову, как жестикулировать, артикулировать, интони-

ровать, посылать звук и т. д. Современный оратор должен владеть голосом, поскольку по тембральным и интонационным качествам оценивают личность говорящего: однообразный и тусклый тембр, невыразительность интонаций характерны для эмоционально и интеллектуально бедных людей. Причем современная риторика менее всего настаивает на внешних эффектах — громогласие и напыщенность только отторгают от оратора, но благозвучие и приятность речи никто не отменял. Что касается архаично звучащих сегодня требований «дородства и осанковатого вида», то речь идет не о принятии вида самодовольной важности, а о требованиях пластической эстетики, соответствии требованиям вкуса, состоящим в определенном каноне телодвижения.

2. Ко всякой деятельности, в том числе речевой, могут быть предпосланы определенные правила, советы и рекомендации. Поэтому следующий ломоносовский пункт касается «науки»: «Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию». Правила выводятся из наблюдений над речевой практикой, обобщений удачной и неудачной деятельности риторов.

Советы М. В. Ломоносова к постижению «науки» могли бы оказать добрую услугу и современному преподавателю или методисту. Требование «краткости» обосновывается тем, что нельзя отягощать память долгими устными речами, но возможно чаще рекомендуется пользоваться примерами, с помощью которых легче идет учение, нежели при представлении теоретических правил. Современный читатель может не сразу воспринять требование «порядочности» — термин, который надо объяснять этимологически. Учение должно излагаться по порядку, и тогда оно будет «вразумительно». И вновь возвращается М. В. Ломоносов (здесь он ясно предстает как педагог) к «удовольствованию» речи примерами, которые могут дать ясное понимание предмета.

3. Как бы в скрытой форме М. В. Ломоносов критикует теоретизирование, к которому склонна формальная педагогика: эффективнее любых «лучших правил» будет служить «подражание авторов (падеж именно таков! — В. А., Ч. Ю.), в крас-

норечии славных». Классическая риторическая педагогика неоднократно отмечает подражание (*imitatio*) как один из способов обучения. При этом имитация не есть слепое копирование, но творческое осмысление образцов, освоение образцовой деятельности применительно к собственной личности, учет или вхождение в данную культурную традицию.

Тот факт, что всякое обучение основывается на подражании, имитации (подчас бессознательной), каждый знает по себе, ибо обучение и вхождение в социум для всех связано с подражанием, заимствованием и воплощением черт определенного стиля. В детстве подражают учителям, преподавателям, старшим наставникам, затем, во взрослой жизни, приходится перенимать определенный стиль работы, воплощаемый нередко в стиле общения всякого производственного коллектива. При этом поддержка определенного *стиля* должна сопровождаться собственной инициативой и мыслестилевыми новациями.

Однако с точки зрения практического обучения, конечно, главное — «упражняться в сочинении разных слов». Этот пункт заслуживает особого внимания, потому что в нем отражен в обобщенном виде весь современный опыт обучения хорошей речи. Прежде всего М. В. Ломоносов требует «беспременного упражнения», а постоянство в обучении и занятиях наукой, как в любом деле, — вещь очевидная. Но великий ученый обобщает риторико-педагогический опыт человечества, указывая на государственных деятелей, которые — своеобразный опыт нынешнего спичрайтерства — «в домах своих упражнялись в произношении слова». И такое изострение разума в «беспременном упражнении в сочинении и произношении слов» (обратим внимание! И в письме, и в устных речах) способствует тому, чтобы говорить «без приготовления пред народом прекрасные речи», которые называются «божественными».

М. В. Ломоносов завершает свои требования «знанием других наук», поскольку «материя риторическая есть все сущее в свете». Современная общественно-речевая практика также показывает, что блестящими риториками (учеными, писателями, политиками, адвокатами, педагогами, во-

енными) становятся люди, владеющие профессиональными знаниями и способные выразить свои знания в убедительном риторическом стиле. Так, изучение содержания и стиля трудов выдающихся филологов-русистов (В. В. Виноградов, В. Г. Костомаров, Ю. В. Рождественский, Н. И. Толстой и др.) говорит о том, что их «цветущее мышление», по словам И. А. Ильина, есть результат «знания наук», которое всегда выражается в ярком и своеобразном индивидуальном стиле, и должно быть предметом изучения и внимания в отечественной русистике.

*Практика обучения риторике
в Московском университете во второй
половине XVIII — первой половине XIX в.*

К сожалению, практика риторического обучения в XVIII в. остается недостаточно изученной. В настоящее время можно восстановить содержание риторики как предмета обучения в учебных заведениях того времени (прежде всего в Московском университете и Московской духовной академии) только частично, основываясь на разрозненных описаниях, которые можно найти в различных работах по истории образования в России или в описаниях преподававшихся в этих учебных заведениях курсов. Большой объем информации о практике преподавания риторики можно найти в сборниках учебных сочинений, речей и проповедей XVIII в., которые относятся к истории различных учебных заведений. В настоящее время такая научно-исследовательская работа ведется в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина преподавателями и студентами, изучающими учебные речи студентов Московской духовной академии, которые те писали по заданию своих наставников. Некоторые речи были уже опубликованы (см., например, речь студента Михаила Нехотенова «Учение философическое должно соединять с учением красноречия» или речь Степан Козловского «О необходимости чтения книг» [Аннушкин 2006: 208–214]).

Более того, для изучения программ и методов преподавания различных предметов было естественно обратиться к истории основных учебных заведений в России, таких как Московский университет. Хотелось бы найти ответ на вопрос:

каким образом риторика входила в учебные программы профессоров Московского университета во второй половине XVIII в.? К сожалению, в существующих трудах современных ученых обнаруживается лишь ограниченное количество информации по этому вопросу. Но из биографии профессора А. А. Барсова, преподававшего элоквенцию с 1761 по 1791 г., узнаем, что в 1755 г. в соответствии с уставом Московского университета была создана кафедра красноречия (элоквенции). Из программ, которые писались каждый год и выставлялись публично, известно, что А. А. Барсов разъяснял речи Цицерона, обучал правилам риторики по методике Эрнестия, проводил практические занятия со студентами, тренируя их в переводах и слоге. В рамках своего курса А. А. Барсов комментировал не только произведения Цицерона и Вергилия, но и оды и похвальные слова Ломоносова, включал в курс комедии Плавта, оды и эпистолы Горация и т. д. Кроме того, он демонстрировал студентам наиболее употребительные латинские и русские стихотворные метры, а также проводил упражнения в сочинениях и переводах на латинском и русском языках, как в стихах, так и в прозе.

Обучение риторике и словесности в Царском лицее

Обучение риторике и словесности главным учителем царских лицейских отроков профессором Н. Ф. Кошанским любознательно предварить мнением о красноречии как искусстве и риторике как науке (такое понимание идет от М. В. Ломоносова) инициатора создания Царского лицея М. М. Сперанского. Его «Правила высшего красноречия» начинаются следующим рассуждением: «Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий. Первое последствие сего определения есть то, что, собственно говоря, *обучать красноречию не можно, ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум*. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром; можно обучать — позвольте мне сие выражение — каким образом сии драгоценные камни, чистое порождение природы, очищать их от коры,

умножать отделкою их сияние и вставлять их в таком месте, которое умножало бы их блеск. И вот то, что, собственно, называется *риторикою*.

Я разделяю риторикой, или средство усилить красноречие, на три рода: на чтение правил, чтение образцов и собственное в сочинении упражнение» [Сперанский 1844: 5].

В Царском лицее, безусловно, были знакомы с рукописью «Риторики» М. М. Сперанского, написанной в 1793 г., а опубликованной только в 1844 г. Первым учителем словесности и риторики в Царском лицее, открывшемся 19 октября 1811 г., был профессор Н. Ф. Кошанский. Именно Н. Ф. Кошанскому юные лицеисты обязаны первыми уроками словесности, риторики и поэтического творчества. Н. Ф. Кошанский преподавал в Лицее до 1828 г., а затем написал знаменитые учебники («Общая риторика» 1829 г. и «Частная риторика» 1832 г.), где назвал три средства для достижения целей изучения риторики: «1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения. *Чтение* требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли, *размышление* образует способность рассуждать, а *собственные упражнения* необходимы потому, что тот, кто не упражнялся в составлении учебных сочинений, всегда будет не тверд в слоге и не сможет написать десять строк связно» [Кошанский 2013: 41].

Учебник Н. Ф. Кошанского, многократно переиздававшийся с 1829 по 1849 г., воспроизведен в новом издании [Кошанский 2013]. Он, несомненно, может быть полезен современному педагогу как высшей, так и средней школы. Так, обучение изобретению идей и дальнейшему распространению речи (по определению Н. Ф. Кошанского, риторика — «наука изобретать, располагать и выражать мысли») ведется на основе правил и советов Н. Ф. Кошанского по выбору темы, построению тезиса, а затем развитию доказательства через распространение речи с помощью топосов — общих мест как способов создания содержания речи.

В своей методике преподавания Н. Ф. Кошанский стремился воспитывать у лицеистов способность изобретать, располагать и выражать мысли. Он внушал молодым лицеистам дисциплину раз-

ма, направленность сердца, способность к вдохновенному труду и, что самое важное, любовь к письму и творчеству («без любви нет успеха»). Пушкин и его друзья получили свои первые строгие уроки литературного творчества именно от Н. Ф. Кошанского [Аннушкин 2003: 280]. Педагогические методы, предложенные Кошанским, проявляются особенно ярко и выразительно. Темы сочинений, заданные им, в большинстве были связаны с морально-этическими вопросами: например, «Строгое исполнение обязанностей есть первый долг христианина», или «Бессмертие есть цель человеческой жизни».

Иногда тема задавалась прямо на уроке. Так, по воспоминаниям И. И. Пушина, один раз после завершения лекции Кошанский предложил: «Теперь, господа, будем пробовать перья. Опишите мне, пожалуйста, розу стихами». В отличие от стихов других учеников, стихи Пушкина мгновенно приняли форму двух его знаменитых четверостиший, что вызвало восхищение как у самого Кошанского, так и у его товарищей [Аннушкин 2003: 274]. В целом Н. Ф. Кошанский акцентировал внимание на следующих аспектах:

1. *Чтение и размышление*: подчеркивая важность чтения и анализа текстов, Кошанский способствовал формированию у студентов критического мышления.

2. *Развитие риторического и поэтического таланта*: он уделял внимание не только формальным аспектам риторики, но и развитию творческого потенциала лицеистов, внимательно, остроумно и доброжелательно критикуя их сочинения.

3. *Практические упражнения*: внедрял практические занятия, включая упражнения по ораторскому искусству, что способствовало формированию навыков убеждения и выразительности в выступлениях.

4. *Изучение стихотворства*: методика введения в тайны стихотворства была частью программы обучения, призванной раскрыть учащимся особенности поэтического мастерства.

После долгой работы в Лицее Н. Ф. Кошанский накопил значительный опыт и написал учебники «Общая риторика» и «Частная риторика», на основе которых учились несколько поколений россий-

ских учащихся. Его труды отличаются гибкостью изложения и тем стилем речи, когда учитель будто напрямую общается с читателем (ср. его обращение во втором издании «Общей риторики»: «Любезные друзья!..» [Кошанский 2013: 27]).

Учебник «Общая риторика» следует традиции. Он по-прежнему состоит из трех основных глав: изобретение, расположение и выражение. Если «Общая риторика» объясняла общие принципы и правила написания сочинений, то «Частная риторика» предлагала правила к различным типам текстов: письмам, ведению разговоров, строению учебных и научных сочинений, разновидностям ораторского красноречия и, наконец, способам написания художественной (или литературной) прозы.

Последнее наблюдение, сделанное на основании внимательного прочтения учебников Н. Ф. Кошанского: не исключено, что этот мастер-педагог неслучайно построил оба курса «Общей риторики» и «Частной риторики» из 36 разделов (разве это не наши 36 учебных недель?), каждый курс поделен на 6 отделений (аналог четвертей), а каждый раздел имеет 10 кратких параграфов с ясными теоретическими определениями и примерами. Это ли не высший пилотаж в написании учебного руководства?

Заключение

Таким образом, классический опыт обучения риторике значим для нас не только как научное знание, но и как возможность воспользоваться этим опытом для его применения в современной учебной практике как в вузе, так и в школе. Этот опыт обращения к классическим текстам позволяет не только напитать современного студента или школьника глубокими мыслями, но и показать изящество старинного словотворчества, которое на проверку оказывается не только не «старинным», но вполне применимым в отдельных своих афористических построениях или прямой рекомендацией к обучению хорошей речи.

В то же время научно перспективным является продолжение изучения многих из перечисленных сочинений и трудов, поскольку, например,

далеко не все риторики петровского времени известны современному научно-педагогическому сообществу в полном объеме или в научных изданиях. Исключительно перспективными представляются сбор и публикация рукописных сочинений и речей студентов в учебных заведениях XVIII–XIX вв., реальной станет подготовка полного собрания учебников риторики XVIII–XIX вв., тем более что библиография таких трудов уже составлена [Аннушкин 1998: 392–403].

Согласно М. М. Сперанскому, «кто хочет иметь дело с людьми, тот необходимо должен мыслить хорошо, но говорить еще лучше» [Сперанский 1844: 3]. Мы живем в обществе, где риторика как наука и искусство хорошей и убедительной, эффективной и доказательной речи организует жизнь социума и готовит каждого гражданина этого общества к социально полезной деятельности. Если эта деятельность интеллектуальна, то она непременно связана с мыслью и речью, и обучение предмету риторики является важнейшей государственной задачей не только словесного, но и общего образования, потому что «безъязыкий» или «бессловесный» человек несчастен не только сам, но делает дискомфортным все свое окружение. Когда говорят о совершенстве человека («Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный»), то имеют в виду совершенство всего образа человека, а образ человека — «подобия Божия» — это образ «словесный» (поскольку «Бог есть Слово»). В характеристике человека «слово», или свойство «словесности», стоит на первом месте, ибо и сам человек — «творение словесное». Подготовка к словесному обучению требует знания историко-культурной традиции, а культурное творчество — активной мыслесловесной работы, чему и учит риторика.

ЛИТЕРАТУРА

Аннушкин 1998 — Аннушкин В. И. *История русской риторики: хрестоматия*. М.: Академия, 1998. 416 с.

Аннушкин 1999 — Аннушкин В. И. *Первая русская «Риторика» начала XVII века*. М.: Добросвет, 1999. 362 с.

Аннушкин 2003 — Аннушкин В. И. *Русская риторика: исторический аспект*. М.: Высшая школа, 2003. 397 с.

Аннушкин 2006 — Аннушкин В. И. *Риторика. Вводный курс*. М.: Флинта; Наука, 2006. 296 p.

Вомперский 1988 — Вомперский В. П. *Риторика в России XVII–XVIII вв.* М.: Наука, 1988. 180 с.

Елеонская 1990 — Елеонская А. С. *Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века*. М.: Наука, 1990. 224 с.

Кошанский 2013 — Кошанский Н. Ф. *Риторика*. Аннушкин В. И., Волков А. А., Макарова Л. Е. (сост.). М.: Русская панорама; Кафедра, 2013. 320 с.

Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VII. Труды по филологии*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378, 805–839.

Сперанский 1844 — Сперанский М. М. *Правила высшего красноречия*. СПб.: И. Ветринский, 1844. 216 с.

REFERENCES

Аннушкин 1998 — Annushkin V. I. *History of Russian Rhetoric: A textbook*. Moscow: Akademia Publ., 1998. 416 p. (In Russian)

Аннушкин 1999 — Annushkin V. I. *The first Russian "Rhetoric" of the beginning of the 17th century*. Moscow: Dobrosvet Publ., 1999. 362 p. (In Russian)

Аннушкин 2003 — Annushkin V. I. *Russian rhetoric: Historical aspect*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 2003. 397 p. (In Russian)

Аннушкин 2006 — Annushkin V. I. *Rhetoric. Introductory course*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006. 296 p. (In Russian)

Вомперский 1988 — Vomperskii V. P. *Rhetoric in Russia 17th–18th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 180 p. (In Russian)

Елеонская 1990 — Eleonskaia A. S. *Russian oratorical prose in the literary process of the 17th century*. Moscow: Nauka Publ., 1990. 224 p. (In Russian)

Кошанский 2013 — Koshanskii N. F. *Rhetoric*. V. I. Annushkin, A. A. Volkov, L. E. Makarova (comp.). Moscow: Russkaia panorama Publ.; Kafedra Publ., 2013. 320 p. (In Russian)

Ломоносов 1952 — Lomonosov M. V. A short guide to eloquence. In: *Polnoe sobranie sochinenii. In 10 vols. Vol. VII. Trudy po filologii*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1952. P. 89–378, 805–839. (In Russian)

Сперанский 1844 — Speranskii M. M. *Rules of higher eloquence*. St. Petersburg: I. Vetrinskii Publ., 1844. 216 p. (In Russian)